

2. **Вайскопф, М.** Сюжет Гоголя. Мифология. Идеология. Контекст / М. Вайскопф. – М., 2002.
3. **Зеленева, И. В.** Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX в.) / И. В. Зеленева – СПб., 2005.
4. **Замотин, И. И.** Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе / И. И. Замотин. – М., 1911.
5. **Замятин, Д. Н.** Гуманитарная география: пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – СПб., 2003.
6. **Капеллер, А.** Россия – многонациональная империя / А. Капеллер. – М., 1997.
7. **Лихачев, Д. С.** Мифы о России старые и новые / Д. С. Лихачев // Наука и Жизнь. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/lih_mif.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. **Андерсон, Б.** Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. – М., 2002.
9. **Рамоне, И.** Геополитика хаоса / И. Рамоне. – М., 2001.
10. **Rosenau, J.** Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J. Rosenau. – Режим доступа: <http://press.princeton.edu>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: ИСТИНА И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

П.Л. Карабущенко
(Россия, г. Астрахань)¹

*Фальсифицировала, фальсифицировала,
да не выфальсифицировала*
Новейшая украинская политическая скороговорка [2, с. 12]

Политическая история делится на официальную и альтернативную версию интерпретации событий, в которых истина и фальсификация переплетаются самым тесным образом. В обоих случаях над их созданием трудятся заинтересованные элиты. История элитам нужна для того, чтобы самих себя в ней, найти оправдание своей власти в прошлом, показать себя законным наследником предшествовавших правителей.

Political history is divided in official and alternative versions of the events in which truth and falsification are intertwined intimately. In both cases, the interested elite works at their creation. The elite needs history to justify their power in the past through self-recognition and to represent themselves the heir-at law of the preceding governors.

Ключевые слова: элита, элитология, история, фальсификация, герменевтика.

Key words: elite, elitology, history, falsification, hermeneutics.

В истории фальсификации больше чем достоверных фактов, то мне придется ответить – фальсификации, ибо в ней больше всего заинтересованы правящие элиты. Истину в истории ищут историки-одиночки, для которых донкихотство стало смыслом их жизни. Официальную историю пишут те, кто приближен к власти и заинтересован в ее упрочении. Альтернативная история остается уделом глубокой подпольной работы, ибо гнев сильных мира сего всегда нацелен на ослушников, осмелившихся перечить «правдивому» слову их власти. Проблема фальсификации истории непосредственно связана с проблемой перехода политической практики в политической прошлое (то есть в политическую историю). Политическим элитам непременно

¹ Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проект АГУ 02.740.11.0593 «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтничном регионе».

хотелось бы контролировать и этот процесс, ибо от качества и направленности его зависит их «посмертная судьба», их место в истории.

Политическая практика из современности непременно уходит в прошлое, теряя свою актуальность, привлекательность своих элит, мифов и политических убеждений. Политика должна уметь уходить в историю достойно, цивилизованно. Но как раз именно здесь и кроется главная трудность, связанная с соблазном приукрасить собственные достоинства за счет принижения своих политических оппонентов.

Политическая история – это, прежде всего, история правящих элит и их лидеров, установивших власть над обществом и стремящихся расширить его за пределы государства. Когда элита объявляет общество своей собственностью, ей ничего не стоит установить свои права и над историей. Особенно часто такое случается при тоталитарных политических режимах, когда общество утрачивает контроль над властью и та становится самоуправляемой.

Политическая история – это нескончаемый поток фальсификации политики о себе самой и об окружающем ее мире, это суд над политикой, разоблачение ее собственного судилища над историей, ибо всякий раз, как политика начинает переписывать историю, она выносит свое суждение о ней. Век политики и политиков не долгоденствует. Тем сильнее бывает их желание продлить его на страницах истории, самим написав ее.

Уходя в прошлое, политика становится историей. История, политология и философия стремятся к истине (к тому, что достоверно). Политика – к фальсификации (к тому, что выгодно). В этом и заключается их принципиальное отличие. Именно политические интересы правящих элит чаще всего и фальсифицируют историю. Историческая наука по этическим соображениям никогда не будет сама (без внешнего принуждения) заниматься фальсификацией научных данных. Тот из историков, кто это делает, называться ученым уже не может. Фальсификация – весьма серьезное обвинение для ученого, поскольку она нарушает самый главный научный принцип – принцип достоверности.

Историческая герменевтика – это не просто поиск фальсификации в истории, но еще и восстановление исторической правды, заключающейся в возвращении из небытия попорченной политической элитой справедливости. Главная цель герменевтического разоблачения фальсификации – реставрация утраченной исторической истины. Иначе разоблачение фальсификации будет не полной. Поэтому вслед за герменевтической археологией должна идти и герменевтическая реставрация.

Ситуация усложняется тем, что история представляется не единым научным полем, а состоит из нескольких вариантов. Так, если официальная версия истории есть парадный портрет политической власти, то параллельно с ней существует еще и альтернативная версия истории, которая, в свою очередь, подразделяется на строго научный и антинаучный вариант. Помимо этого историю как науку следует разделить на эзотерическую (то есть предназначенную для профессионалов) и экзотерическую (доступную для всех). В последнем случае мы видим с вами упрощенный вариант официальной истории, где патриотизм доминирует над принципом истинности, а порой и подавляет его в угоду национальным политическим интересам. История становится залогом политической целесообразности.

Деление истории на академическую (профессиональную) и учебную (любительскую) исходит из принципа аналогии, когда существуют две математики и две физики – для «академиков» и для «обывателей-потребителей». Но между историей в учебнике и историей в монографии (академическом исследовании) существует огромная разница, определяющаяся как патриотизмом, так и политической целесообразностью (интересами государства, власти, элиты). Если академическая история всегда стремится к истине, то обывательская – к правдоподобию, то есть неизбежно будет содержать в себе элемент целесообразности национальной идеологии (или партийной идеологии). О гносеологической чистоте учебников истории средней школы говорить не приходится. Это вопрос уже не научный (исторический), а политический. Таким образом, существует явная антиномия науки (всегда и всюду стремящейся к Истине) и политики (преследующей определенную выгоду). В демократиче-

ских обществах существует относительное преобладание первой (истины), в авторитарно-тоталитарных системах – второй.

Историческая герменевтика – это не только работа с текстом, но и с личностями тех, кто этот текст создавал и участвовал в описанных в нем событиях. При этом текст является таким же субъектом исторических отношений, как и исторические личности. Исторический текст – это коллективная историческая личность, у которой есть тоже свои интересы и тайны.

В определенный момент историческая герменевтика превращается в археологию и в аналитическую философию. Задача археологической и аналитической герменевтики – найти проблему, сформулировать вопрос, поставить задачу и попытаться дать всему этому объяснение. При этом главной оказывается постановка вопроса, поскольку ответов может оказаться несколько и все будут претендовать на достоверность.

В основном фальсификации подвергаются страницы истории, отражающие деятельность политической элиты и их лидеров, у которых отмечается завышенные требования к признанию. Представить себе политическую элиту без исторической фальсификации столь же абсурдно, как пытаться ехать на автомобиле с пустыми баками горючего. Фальсификация истории – это естественное состояние элитарного политического сознания, посредством которого мы можем выйти на анализ качества господствующей политической культуры.

Фальсификация – это бомба с часовым механизмом, который правящая элита сама заводит и подкладывает под себя. И эта бомба непременно взрывается, как только иссякает сила политической воли элиты. У фальсификации нет будущего, ибо на свете есть историческая герменевтика. Это убеждение в том, что герменевтика непременно осилит укоренившуюся в истории ложь и вернет нам истину. Но для этого следует детально изучить природу самой фальсификации, выяснить условия ее создания и существования. Поиск ответа на эти вопросы мы должны тоже с позиций и при помощи герменевтики.

Фальсификация – это идеологическая интерпретация политики, уходящей в прошлое. История для политиков является таким же инструментом их власти, как армия и полиция. Поэтому давление политики на историю всегда возрастает по мере истощения идеологической привлекательности их политической платформы. Было замечено, что именно такие политики в таких случаях чаще всего говорят фальсификации истории. Обвиняя других («чужих» в фальсификации, политики сами создают новые мифы о «своих». Под предлогом объективного пересмотра (переосмысливания) истории они вытесняют неудобных им персон и расставляют свои нужные (но конъюнктурные) акценты. Политическая борьба с фальсификацией чаще всего ведется при помощи другой фальсификации. Вот почему необходимо, чтобы этой борьбой занимались не политики, а независимые ученые.

Но у борьбы с фальсификацией есть и немало критических моментов, связанных с конфликтом политических интересов. Борьба с фальсификацией – это взлет черного PR: борцов с ней много (практически все!), а фальсификаторов ни одного. Почему? Потому, что фальсификаторы никогда себя не афишируют. Более того, они сами активно борются с другой фальсификацией. Главное в этой борьбе – не достижение истины и очищение истории от лжи и заблуждения, а своевременное обвинение своих оппонентов в преступной деятельности, каковой является фальсификация. Политические мифы борются с другими политическими мифами. Именно это и создает благоприятные условия для процветания политической мифологии и «затирания» истины в истории.

Бытие истины в истории – это не столько политическая и историческая, сколько философская проблема. Историческая наука сделала все, чтобы перестать быть мифологией. Политика, напротив, делает все, чтобы стать мифом, выдавив из себя правду истории. Миф – это единственное прибежище бездарной политики. Поэтому те, кто умножают миф, пытаются скрыть свою бездарность и по возможности ограничить такую же бездарную креативность других. Креатив назойливо саморекламирует себя, заявляет о себе в превосходной форме (то есть уже сам дает себе оценку), в

то время как творчество стремится получить объективную оценку со стороны, при этом оставаясь скромным и непритязательным в рекламе своих ценностей. Сами ценности рекламируют творчество. Креатив не переживает своего времени, творчество проверяется веками. Проявляемый фальсификаторами креатив рано или поздно входит в противоречие с объективными научными данными будущего и разоблачается ими как ложное знание.

Истина в истории – вещь неоднозначная. В зависимости от исторической эпохи святость может меняться на грех, а греховность становится святостью. Так, например, католики должны определиться, кому они больше доверяют – папе Урбану II (1088–1099), провозгласившему святость крестовых походов, или папе Иоанну-Павлу II (1978–2005), покаившемуся за этот грех перед всем человечеством. Возможно, самой главной тайной западной цивилизации будет та, что в некоторых случаях римские папы были не католиками. А Александр Борджи, например, и вовсе не принимал Христа. От таких сюрпризов истории не застрахована ни одна тоталитарная организация (система, породившая инквизицию и крестовые походы, не может считаться либеральной и открытой).

Начиная с Рамсеса Великого (1301–1235 до н. э.) верховная власть была неразрывно связана с историей, а официальная история власти – с фальсификацией, то есть с наиболее парадным и угодным для власти вариантом описания и оценки политических событий. История Рамсеса II – первый зафиксированный случай систематической фальсификации, когда верховная власть целенаправленно прибегла к исправлению истории и созданию ее альтернативной версии. Причина и природа фальсификации лежит в тайне личности Рамсеса Великого. Стремление быть лучше своих предков и потомков подвело его к тому, что он нарушил негласное правило, царившее в Египте (неприкосновенность текстов), и начал по своему усмотрению трактовать события, исправляя исторические тексты своих предшественников (попросту приписывая их деяния себе). В настоящее время мы можем об этом спокойно говорить, поскольку уже нет ни самого Рамсеса Великого, ни его прямых наследников, которые могли бы встать на защиту его светлого имени. Но мы, к сожалению, не можем с тем же откровением говорить о политической истории ближайшего прошлого, потому что правда может задеть интересы «наследников» политической власти и ранить патриотические чувства простых граждан, свято верящих в подкинутый им властями миф о своей святости (особенно тогда, когда элите удастся искусно соединить свои интересы с патриотическими чувствами своего народа).

Поскольку ложь и заблуждение являются неотъемлемой частью современной истории, то исторической науке следует очиститься от этой скверны. Не только российская, но и всемирная история должна быть подвержена самой тщательной научной ревизии. При этом следует заметить, что именно по количеству и качеству фальсификации мы можем установить уровень нравственности национальной элиты и народа – чем больше и выше уровень исторического вранья, тем меньше нравственного начала содержится в этом национальном духе.

В Западной Европе так любили кичиться знатностью своего происхождения, что без стеснения шли на откровенную ложь – приписывали своей фамилии аристократические корни [9, с. 5]. Сейчас это выглядит как невинная забава («глупые проделки богачей»). Однако в сущности данного явления лежит стремление выдать себя за то, чем ты на самом деле не являешься, но чем бы хотел быть. Родовая аристократия оказывается ненастоящей, а выдуманной (то есть сфальсифицированной). Отсюда возникает проблема достоверности ее собственной истории. Как можно верить тем, кто начинает свою деятельность с лжи? Начавший со лжи, ей и заканчивает.

Но не только в истории мы встречаем явную и тайную ложь. Ложь производит и наше собственное время. Современная политическая культура все больше напоминает цирк. Она занимается жалкой имитацией исторической правды силами цирковых медведей и того, чтобы самонадеянно и глупо почесать правой рукой левое ухо, у какого-то знаменитого исторического персонажа (фраза вольно переделана из критики на фильм «Царь») [7, с. 10]. Подобная акробатика чревата умножением фальсифи-

кации, расцветом политической мифологии. Политические элиты с успехом реализуют себя в этом роде деятельности. Здесь они оказываются намного успешнее, чем в политической практике.

Политическая практика имеет как начальный момент своего отсчета, так и свое завершающее исчисление. Политика – это история, которая никак не может от нас уйти. Но от некоторой политической истории народы и политические элиты пытаются откеститься или даже осудить ее. Очень часто вместе тем они отрекаются от исторической правды, очень горькой и весьма неудобной для них.

Правы те, кто утверждает, что «история – в очень малой степени результат заранее спланированных действий. В гораздо большей степени это стихийный камнепад событий» [5, с. 23]. Тракторию движения некоторых камней и пытаются отследить историки. И часто сами попадают под этот камнепад. Фальсификация – прямая дорога в ад, если не в мистический, то в исторический, ибо клеймо «фальсификатор» нельзя ни отмыть, ни вывести. Обвинение во лжи – самое страшное обвинение для политической элиты.

Почему одни элиты бывают в большей мере предрасположены к фальсификации, чем другие? Ответ на этот вопрос всегда рассмотрения конкретного случая и конкретной элиты. Но очевидно, что чем меньше элиты значат для общества, тем меньшим уважением они пользуются и меньше места занимают в истории, тем больше у них возникает желания (соблазна) любой ценой остаться в истории и тем сильнее проявляется в них тяга к фальсификации себя и прошлого, ради доброго (но ложного) слова в возможном будущем. По качеству политической фальсификации мы можем определить и качество самой элиты, особенно ее интеллектуальный потенциал, ведь фальсификация – это главный креативный проект любой элиты, мечтающей занять выдающееся место в мировой истории. Именно креативный (то есть направленный на рекламирование своих сомнительных достоинств), а не творческий (направленный на творение новой значимой ценности).

Генезис политической элиты должен в будущем в большей мере зависеть от качества ее образования и воспитания, а не от качества используемых PR-технологий. Именно последнее чаще всего и приводит правящие элиты к потребности фальсификации истории, ибо является логическим продолжением ее черного PR. Черный PR и фальсификация – это, в принципе, одно и то же. Но только первый чаще всего решает задачи еще несостоявшегося «живого политического процесса», в то время как последняя направлена на достижение уже неких исторических целей. Черный PR хитер, фальсификация коварна. Черный PR химера, фальсификация – Кощей Бессмертный человеческого прошлого. Черный PR преследует в основном тактические цели, фальсификация призвана выполнять стратегические задачи (другое дело, что ей это не всегда удается качественно сделать!).

Излюбленным примером всех фальсификаторов является фрагментарное рассмотрение исторических событий, вне их причинно-следственной взаимосвязи. Для этого факт вырывается из контекста и сопровождается пространными комментариями, как правило, тенденциозного характера. По мнению известного российского специалиста в области фальсификации политической истории, В.В. Путина, «крайне вредно и безответственно спекулировать на памяти, препарировать историю, искать в ней поводы для взаимных претензий и обид... Симптоматично, что передергиванием истории часто занимаются те, кто на деле применяет двойные стандарты и в современной политике» [6, с. 4]. Таким образом, фальсификация напрямую связана с нравственностью, ибо является не просто преступлением против Истины, но еще и против этики.

Для того чтобы современный мир был безопасен, необходимы не только политико-правовые основы такого режима мировой безопасности. Важно, чтобы угрозы не исходили и из прошлого, чтобы история не довлела над реалиями сегодняшнего дня. «Тени прошлого» омрачают мир сегодняшний тогда, когда наступает политическое помрачение у ныне действующих политиков и они ищут оправдание своим destruktivным действиям, опираясь при этом и на историю.

Свободная от фальсификации история должна стать таким же неотъемлемым признаком демократии, каковыми ныне являются свобода совести, слова и собраний. Чем больше в истории нации фальсификации, тем больше в ней авторитаризма и тем иллюзорнее выглядит ее демократия. Общество имеет такое же право на историю, как и политическая власть. И чем сильнее нарастает сила и мощь гражданского общества, тем меньше у власти остается возможности быть авторитарной и свободно заниматься фальсификацией истории.

Политика должна отдавать свою прошедшую практику историкам (ученым), дабы не тянуть спекулятивную политику, обращая ее в новую идеологию. История не может быть в тени политической идеологии. Если политика рассматривает историю как свою «служанку», то это авторитарная политика, для которой история – это компенсация за ее элитную неполноценность.

История превращается в рекламу ныне здравствующих субъектов элиты (PR-VIP), которые за счет очередного переписывания истории набирают дополнительные политические бонусы. Наглядный пример – фальсификация национальной истории во время правления на Украине оранжевого президента В. Ющенко (2005–2010 гг.). Именно тогда национализм попытался переменить все аксиологические знаки с «+» на «–», преступников объявить героями, а мировую историю представить как продукт творения исключительно своего национального духа. Такая до крайности политизированная история существует ровно столько, сколько находится у власти породившая ее элита. Как только элита отрешается от власти, теряет официальный статус и ее версия прошлого.

Политическая история свидетельствует, что национализм никогда не избегает фальсификации, ибо честно он существовать не в состоянии. Именно против этого выступают многие представители творческой элиты. Например, известный польский кинорежиссер Анджей Вайда признавался, что он «всегда был против исторической неправды и против ложной героизации... Есть стремление показать события нашей истории с лучшей стороны» [1, с. 7]. Вместе с тем он признавал, что «история всегда была для большинства режиссеров только объектом игры. И никогда не оставалась вне политики... Пора признать, – пишет А. Вайда, – что есть в истории вечные темы, а есть незначительные конъюнктурные политические события, время которых уже ушло» [1, с. 7].

Самая прочная народная память – это память о войне, она является областью повышенной политической фальсификации. Война – самое важное и самое распространённое событие в политической истории, венец политического конфликта и борьбы за власть. Наиболее острую дискуссию в настоящее время вызывают итоги Второй мировой войны. Именно здесь мы столкновение политических интересов. В этой связи ректор МГИМО академик РАН А.В. Торкунов отмечает, что «память о войне у разных народов, конечно, своя. Она напрямую зависит от их реальной роли в войне и понесенных в ней жертв. По этому счету наша память о той войне и о Победе в ней – самая острая и неизгладимая» [8, с. 10]. Но и в этой памяти мы видим тесное переплетение забытых истин и известных мифов. История неизбежно мифологизируется под давлением политической идеологии, если у науки нет возможности для широкого развертывания своего критического аппарата и углубленного изучения оставшихся от этого времени документов.

Вторым по значимости событием политической истории, в котором особенно много содержится фальсификации, являются выборы и их итоги. Вопрос о том, кому править, является основой практически всех конфликтов в политике. Поскольку в результатах выборов заинтересованы политические лидеры и их элиты, то больше всего споров возникает у них именно из-за этого соперничества за власть. Даже демократические общества не застрахованы от злоупотреблений рвущихся к власти элитных группировок в момент активизации их электорального поведения.

Но бывают случаи, когда выигравшие политики официально признают, что их победа была сфальсифицирована. Так случилось в 2009 г., когда белорусский президент А. Лукашенко заявил, что он лично отдал приказ о фальсификации итогов пре-

зидентских выборов. Вот что он сообщал тогда обескураженным журналистам: «За меня на последних выборах проголосовало 93 %. И я признался потом, когда меня просто начали давить, что мы фальсифицировали выборы. И я грубо сказал: "Да, фальсифицировали". Я отдал команду, чтобы не 93 % было, а 80, я не помню, сколько. Потому что за 90 – это уже психологически не воспринимается. Но это была правда» [4, с. 3]. Впервые в истории результаты выборов были фальсифицированы не на повышение, а на понижение их итогов, не в пользу власти, а ей в ущерб. Президента А. Лукашенко следует занести в книгу политических антирекордов, потому что никто до него такого не делал, да и вряд ли когда-либо сделает.

Еще один случай из новейшей политической истории – президентские выборы на Украине в январе 2010 г., когда обвинения в фальсификации итогов звучали со всех сторон еще задолго до самого их проведения. Родилась даже такая новейшая политическая скороговорка: «Фальсифицировала, фальсифицировала, да не выфальсифицировала» [2, с.12]. В данном случае имелась в виду претендент на пост президента Юлия Тимошенко («оранжевая принцесса»), у которой так и не хватило мужества признать свое поражение и смириться с итогами выборов.

Но источником фальсификации может быть и различие мировоззренческих установок. У каждого народа и каждой элиты есть свои мировоззренческие особенности и своя система ценностей. Поэтому оценки одних и тех же событий будут изначально разными. Так, например, американцы считают, что юридические законы выше природных. В России же юридические законы и вовсе за законы не считают.

История катынской трагедии полна противоречий, недоговоренности, да и просто откровенной лжи [1, с. 7]. Никто не оправдывает преступления сталинизма. Но у этой истории есть продолжение, о котором не любит вспоминать польская сторона и о котором молчит российская. Слово чувствуя свою вину перед польским народом, И. Сталин в 1945 г. в качестве «извинения» настоял на том, чтобы Польше отошел ряд восточных земель бывшей Германии. Присоединение Западной Пруссии и других земель (Гданьска и т.д.) к Польше может трактоваться как желание компенсировать эффект катынской трагедии и заставить Варшаву молчать. Но не будь Катюни, современная Польша и Германия имели бы в совершенно иные государственные границы. Не будь И. Сталина, украинский город Львов был бы ныне польским¹, а Ужгород – венгерским. Современная политическая география этих государств представляет собой не что иное, как наследие сталинизма. Критикуя Сталина, политики этих стран забывают, кому они на самом деле обязаны нынешними государственными границами. Если сегодня политики-демократы отвергают сталинизм, то как быть тогда с его наследием? Забывая об этой странице истории, насколько мы сами будем способны очиститься от подобных «неточностей», которые фальсифицируют прошлое? Насколько принципы политики двойных стандартов соответствуют исторической истине? Они лишь способствуют утверждению и процветанию политической фальсификации, при которой историческая истина и история отходят на задний план.

Борьба с фальсификацией станет успешной лишь тогда, когда об истории будет сказано вся правда. Тот, кто стремится к этому, является истинным дефальсификатором истории. В деле дефальсификации не должны мешать никакие самые благие патриотические чувства и гордость за свою великую державу. Основанный на ложном знании патриотизм есть зло, порождающее ненависть и войны.

На каком языке написана история, интересы той нации она и отражает. Поэтому народам надо научиться хотя бы слышать друг друга, чтобы спокойно объяснить смысл утверждаемой ими информации о себе и других. Но для достижения полной достоверности о прошлом мы должны научиться точно диагностировать правящую элиту (как прошлого, так и настоящего). Без элитологии гносеология (историческая герменевтика) будет всегда неполной, а следовательно, и не полноценной.

¹ На переговорах о послевоенном устройстве мира У. Черчилль на предложение И. Сталина передать г. Львов Украинской ССР возразил, что Львов никогда не был украинским городом. На что И. Сталин ответил, что зато Варшава была российской...

Хотите узнать, насколько правящие элиты безнравственны, посмотрите на то, как они относятся к истории. Чем ближе власть подходит к тоталитарной фазе развития, тем больше она начинает лгать. Ложь становится нормой ее существования, поскольку отсутствуют независимая научная критика и открытые источники информации. Под предлогом сохранения государственной тайны «засекречивается» любая негодная властям информация, а вместо достоверного исторического факта появляется его мифологизированный вариант. Нами было замечено, что чем выше в стране уровень коррупции, тем власти бывают больше расположены к политической фальсификации. Это особенно характерно для псевдодемократий и псевдоэлит. Именно им приходится говорить о себе то, чего в действительности нет. Именно они заинтересованы в том, чтобы пересказать политическую историю своими словами и в своем узко-корпоративном понимании.

Элиту следует рассматривать диалектически, то есть в развитии, и анатомически – в разрезе. Тогда мы получим действительно правдивые сведения о том, что она представляет собой на самом деле, а чем она всего лишь кажется. Анатомию правящей элиты можно познать при помощи политологических и социологических исследований [3], но сделать томографию «высшей нервной системы» и интеллектуальных способностей субъекта элиты можно лишь при помощи психолого-философских аналитических методов исследования. Историческая герменевтика как раз и является одним из таких методов («томография интеллекта»), свободной от каких-либо идеологических шор и подчиненной только принципам объективного научного знания.

Библиографический список

1. *Вайда, А.* Я всегда был против исторической неправды / А. Вайда // Известия. – 2010. – № 59 (28074). – С. 7.
2. *Известия.* – 2010. – № 25 (28040). – С. 12.
3. *Крыштановская, О. В.* Анатомия политической элиты / О. В. Крыштановская. – М., 2005.
4. *Лукашенко, А.* Мои выборы были фальсифицированы / А. Лукашенко // Известия. – 2009. – № 156. – С. 3.
5. *Нахамкин, С.* За рассекреченной строкой / С. Нахамкин, С. Лекарев // Аргументы недели. – 2010. – № 4 (194). – С. 23.
6. *Путин, В. В.* Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства? / В. В. Путин // Аргументы и факты. – 09. 2009. – № 36 (1505). – С. 4.
7. *Пухнавцев, О.* Под Рождество они особенно лютуют / О. Пухнавцев // Литературная газета. – 2010. – № 1 (6257). – С. 10.
8. *Торкунов, А. В.* Безопасность Европы невозможна без России / А. В. Торкунов // Известия. – 2010. – № 60 (28076). – С. 10.
9. *Шевцов О.* Большинство французских дворян – ненастоящие: Исключение – президент Саркози / О. Шевцов // Известия. – 2009. – № 227 (27998). – С. 5.